

КАК МАНЯЩИЕ ОГНИ...

О гражданской войне на Дальнем Востоке, где борьба за Советы была особенно затяжной и кровавой, складывается своя художественная летопись. Начиная с книг А. Фадеева, ставших нашей классикой, она пополняется все новыми и новыми произведениями. Писатели-дальневосточники стараются высветить еще не отраженные участки борьбы, приблизить к нам действительные или обобщенные образы борцов за народную власть.

Молодого благовещенского автора Бориса Машука, например, заинтересовала малоразработанная тема о зарождении партизанского движения на Верхнем Амуре, колоритная личность разведчика Герки Рулева. Его произведение — повесть «Сполохи»¹ в сокращенном варианте была опубликована в альманахе «Дальневосточные приключения» № 1, а сейчас вышла отдельным изданием.

Эта повесть носит документальный характер. Она основана на архивных данных, письмах и воспоминаниях соратников Рулева. Автор предстает перед нами и как художник, и как историк-исследователь. По крупицам собирал Борис Машук сведения о своем герое. Его Герка Рулев, несмотря на молодость, человек исключительной отваги и воли.

На его примере мы видим, как пафос революционной борьбы пробудил в молодом рабочем лучшие стороны его натуры — энтузиазм, кипучую энергию, беспредельную преданность интересам трудящихся.

Вначале Герка проявлял своеволие, но крепкая рука командира Кропотова умело направляла его действия. Кропотов доверяет ему командовать отдельной группой подрывников. Ответственность не только за свои действия, но и за товарищей повышает у Герки чувство ответственности, дисциплину.

*Борис Машук стремится показать своего героя всесторонне — как бойца, чело-

¹ Б. А. Машук. Сполохи. Повесть. Хабаровск, Кн. изд., 1971, 238 с. Тираж 100 000 экз. Цена 52 коп.

века, товарища; приоткрыть его внутренний мир. Мы видим Герку Рулева в лирическом плане, его первую любовь к деревенской девушке Лене.

Во многом нас убеждает и привлекает этот образ, но все же в нем не хватает того магического «чуть-чуть», что делает изображение осязаемым, неповторимым. Тут автору явно не хватило мастерства.

Рядом с Рулевым проходят разнохарактерные представители партизанской массы, каждого из них автор тепло и заботливо наделяет индивидуальными, запоминающимися чертами. Такими предстают перед нами Артем, Желобок, Коляя, Лопушок, Костя Жук и совсем еще юный Филя. Среди старшего поколения партизан выделяются своеобразные фигуры кузнеца Луки, разведчика Сиделки, Саньки Мельника, мрачного силача Серого. Самобытный тип русского мужика — страстотерпца выведен в Макаре Чалбутине: терпелив-то он терпелив, но до поры, когда терпению приходит конец, то гнев и ярость его против угнетателей беспредельны.

Разными путями приходили все эти люди в партизанские отряды. Вливаясь в партизанские коллективы, они приобщались к осознанной социальной борьбе. И так же, как Рулев, они отдавали ей все самое ценное, включая и жизнь, подчиняя объединенные усилия общепартизанской задаче — очищению родной земли от врага.

Женским персонажам в повести уделено значительно меньше места, и нет среди них сколько-нибудь полнокровного образа. Даже любимая Рулева — Лена — показана бегло, мало что мы о ней узнаем.

Меньше удался Борису Машуку и образы врагов. Белые офицеры, оккупанты, кулаки и их пособники безлики и однообразны. Несколько больше внимания уделено предателю — попу Ферапонту, который удавился, страшая партизанской кары. На этом и на некоторых других образах можно проследить слабость психологических мотивировок.

Нельзя отнестись к авторским удачам и образ японского поручика Токаяма. Это примелькавшийся тип врага, который действует по заведенному стандарту. Особенно явственно видно это в сценах допросов, которые являются сколком с известных штампов. Трафаретны даже посулы, которыми пытаются «соблазнить» арестованных.

Надо отметить, что Борис Машук не злоупотребляет многочисленностью персонажей, как часто бывает у молодых авторов; не отягощает книгу публицистическими описаниями, чего трудно избежать в таком жанре. Язык повествования довольно красочен, своеобразен; умело использует автор сельский говор. Все это не может не привлекать, так как нивелировка языка становится настоящим литературным бедствием. Но и здесь есть свои недостатки, в которых повинен не только молодой писатель, но и его редактор — В. Клипель.

Встречаются путаные, безвкусо постро-

енные фразы, смысловые неточности, несообразности. К ним можно отнести такие примеры: «Тащился по миру, стонал и крихтел девятнадцатый год», «Скучная картина кривилась из зеркала времени» и так далее. Можно ли так сказать о бурном, кипучем времени, когда все ярче разгоралась революционная борьба против внутренних и внешних врагов? Когда в дыму и пламени, в крови и слезах, муках и страданиях утверждалась новая жизнь? Вот еще такая витиеватая фраза: «Как-то сразу, пощечиной из дальних веков, прожитых народом в неволе, началась национализация всех крупных и средних промышленных предприятий, торговых учреждений, пароходов, барж, заводов и мастерских...», «Многие отсиделись, когда над головами кровавым бинтом метался клич «Республика в опасности!». И совсем уже недопустимо, даже в прямой речи, выражение — «ложить».

Несколько слов необходимо сказать об оформлении книги. Обложка выполнена на редкость скучно, по-канцелярски. Она больше подходит для какого-нибудь ведомственного издания, чем для художественного произведения.

Борис Машук своей первой крупной работой заявил о себе, как о способном, интересном авторе. На него можно возлагать надежды, если не помешает тут самоуспокоенность. Да и требования к художественному мастерству сейчас, после V съезда писателей, становятся все выше и выше.

О. ЖУРАВИНА

СТУПЕНЬ ПЕРВАЯ И СЛЕДУЮЩИЕ

Как-то я встретил своего товарища — учителя рисования — в школе. Наш разговор зашел об изобразительном искусстве, к которому он, естественно, неравнодушен.

— Как же, — спросил он, — учить ребяташек прекрасному, когда они знакомятся с шедеврами искусства только по открыткам? А о картинах художников-дальневосточников и говорить нечего. Правда, мы попросили городских фотографов сделать репродукции и даже создали в школе музей.

— А книги по истории искусства на Дальнем Востоке есть? — спросил я.

— Да что ты! Несбыточная мечта.

Этот разговор я вспомнил, когда читал